

Ф.Ф. Вигель

Воспоминания Ф.Ф. Вигеля

Часть 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ф11

Ф11 **Ф.Ф. Вигель**
Воспоминания Ф.Ф. Вигеля: Часть 3 / Ф.Ф. Вигель – М.: Книга по Требованию,
2015. – 186 с.

ISBN 978-5-518-06245-0

ISBN 978-5-518-06245-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

По прїѣздѣ въ Петербургъ, въ болѣзненномъ состояніи духа и плоти, прежде всего искалъ я отрады, зная что ею начнется исцѣленіе и тѣлеснаго моего недуга. Для того взбѣхалъ я прямо къ Бладову, увѣренъ будучи, что онъ не поскучаетъ ни хандрой моею, ни лихорадкой, и въ томъ не ошибся. Его нравъ не переставалъ быть живымъ и веселымъ, а сердце сострадательнымъ. Въ началѣ предыдущаго года имѣлъ онъ горестъ лишиться обожаемой матери и почти въ то же время утѣшеніе наследовать довольно богатому дядѣ. Это давало ему возможность къ другимъ похвальнымъ или любезнымъ качествамъ присоединить и гостепрїимство. Онъ послалъ за врачомъ своимъ, Англичаниномъ Беверлеемъ, заставлялъ самого меня смѣяться надъ мрачными моими мыслями, и дня въ три или четыре все у меня прошло, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

. . . . .
Многіе годы прошли, люди исчезли, страсти погасли, и теперь можно съ нѣкоторою справедливостію судить о тогдашнихъ происшествіяхъ. Франція, воинственная и блестящая, хвастливая и заносчивая, была постоянно предметомъ страха и зависти всѣхъ сосѣдей своихъ, Австріи, Великобританіи и Испаніи, германскихъ и италіянскихъ владѣтелей. Окруженная со всѣхъ сторонъ естественными врагами, она весьма благоразумно и успѣшно искала всегда со-

юзниковъ въ отдаленныхъ отъ нея странахъ, въ Швеціи, въ Польшѣ и въ Турціи. Изъ-за нихъ встало неслыханное государство, по обширности своего размѣра и по быстротѣ своихъ успѣховъ, можно сказать, невиданное въ мірѣ. Менѣе чѣмъ въ полвѣка, оно заступило мѣсто всѣхъ старыхъ союзниковъ Франціи, унизивъ одного, уничтоживъ другаго, обезсиливъ третьяго. Прежнее французское правительство не могло еще понять важность значенія Россіи: въ горячкѣ, въ бѣшенствѣ своемъ, революція слѣпо вооружалась, безъ разбора, противъ всѣхъ монархій; но когда, уставъ отъ судорожныхъ усилій, она подчинилась порядку, то воинственный геній, его водворившій, не довольствуясь силою оружія, призвалъ на помощь и политику для обузданія мятежнаго духа, ею распространеннаго. Орлинымъ взглядомъ своимъ Наполеонъ увидѣлъ первый всю выгоду для Франціи союза съ Россіей: самодержавіе на сѣверѣ плѣняло его властолюбивый умъ, онъ искалъ сближенія, и императоръ Павелъ, передъ смертію, раздѣлялъ уже величіе его замысловъ. Сильное вліяніе Англіи разсѣкло сей едва завязанный узелъ; кротость Александра, его желаніе мира и добра отдаляли его отъ честолюбца; но сей послѣдній не упускалъ случая, чтобы возстановить съ нимъ согласіе. Наканунѣ Аустерлица онъ еще мирволилъ и просилъ о свиданіи; и наконецъ получилъ его въ Тильзитѣ.

Кто былъ свидѣтелемъ тайной бесѣды на роковомъ поромѣ? О какъ любопытенъ былъ сей разговоръ, когда въ состязаніи были съ одной стороны вся прелесть наружности, благородство осанки, нѣжность голоса, тонкость и гибкость ума, однимъ словомъ, почти женская привлекательность, которая покоряла сердца подданныхъ и чужеземцевъ; а съ другой—италіанская хитрость, прикрытая солдатскою откровенностію, почти сверхъестественная сила убѣжденія и очарованіе великаго имени. Ужасная буря породила сильнаго человека, который усмирилъ ее; оковавъ мятежъ, онъ превратилъ его въ какое-то славобѣсіе; болѣе десяти лѣтъ ужасомъ своего имени наполнялъ онъ Европу; казалось, сами небеса изда ада на землю вызвали его какъ исполнителя ихъ воли, и онъ стоялъ лицомъ къ лицу передъ Александромъ. При его появленіи, въ виду его, сей громовержецъ погасилъ свои перуны, и руку, которая за мигъ до того держала ихъ, протянулъ къ нему почтительно и дружелюбно. Кто бы устоялъ

противъ того, особливо въ минуту явной опасности? Не трудно было Наполеону доказать сколь выгодна могла быть для Россіи дружба съ нимъ, то-есть съ Франціей, коею былъ онъ тогда главою, представителемъ и выраженіемъ. Это такая истина, которую въ послѣдствіи одно только безпримѣрное его властолюбіе могло сдѣлать сомнительною, но которой люди съ здравымъ смысломъ всегда вѣрили и нынѣ менѣе нежели когда оспариваютъ. „Доселѣ былъ одинъ Наполеонъ, отнынѣ да будетъ ихъ двое, вѣроятно сказалъ онъ; соединивъ свои силы, довершатъ они покореніе свѣта, и потомъ общими же силами, среди всеобщаго мира, будутъ пещись объ устройствѣ всеобщаго благоденствія.“ Признаюсь, я еще и понынѣ вѣрю чистосердечію обоихъ договаривавшихся государей: при произнесеніи клятвы въ вѣчной любви, кто думалъ о ея нарушеніи и кто не нарушалъ ее? Хотя Европа не берлога, однакоже трудно было медвѣдю долго ужиться въ ней со львомъ: но все-таки наконецъ медвѣдю удалось задушить его.

Подражаніе обычаемъ или одѣванію какого-нибудь народа всегда въ Россіи есть вѣрнѣйшій признакъ добраго съ нимъ согласія. Уже съ сентября мѣсяца начали всю гвардію переодѣвать по-французски; въ слѣдующемъ году сдѣлано это и со всею арміей. Дотолѣ слѣдовали простотѣ австрійскихъ мундировъ; исключая бѣлаго плюмажа на шляпѣ, ничто не отличало генерала отъ простаго офицера; тутъ шитые и эполеты, все богаче по мѣрѣ возвышенія въ чинахъ, начали обозначать каждый изъ нихъ. Косы обрѣзаны, пудра и помада брошены и оставлены гражданскимъ чиновникамъ, которые также начали употреблять ихъ только при мундирахъ и въ дни пріѣзда ко двору. Всѣ военные люди были вытянуты, затянуты, такъ что имъ трудно было дышать: новый покрой сдѣлалъ одежду ихъ просторнѣе и далъ полную свободу ихъ тѣлодвиженіямъ. Они и этимъ были недовольны: въ новыхъ мундирахъ своихъ видѣли французскую ливрею, и съ насмѣшливою досадою поглядывая на новое украшеніе свое, на эполеты, говорили, что Наполеонъ у всѣхъ русскихъ офицеровъ сидитъ на плечахъ.

Можно себѣ представить какъ все это было больно для петербургской знати, заимствовавшей всѣ повѣрія свои отъ эмигрантовъ; съ какою явною холодностію знать эта, вся проникнутая легитимизмомъ, принимала прислав-

наго отъ Наполеона на первый случай Савари. Въ разсужденіи его исполняла она всѣ обязанности общежитія, платила ему визиты, приглашала его на всѣ большіе званые вечера свои, но обходилась съ нимъ съ тою убійственною учтивостію, въ которой она такая мастерица и которой гайна ей одной известна.

Упрекнуть его было не въ чемъ; онъ все переносилъ съ терпѣніемъ и старался быть любезенъ. Въ одномъ только знатномъ домѣ былъ онъ принятъ съ отверстыми объятіями: старуха княгиня В., вдова генераль-прокурора, выдавшая двухъ дочерей за посланниковъ неаполитанскаго и датскаго, всегда любила безъ памяти иностранцевъ и въ особенности Французовъ, и для нихъ былъ у нея всегда притонъ.

Родною племянницей этой княгини была Александра Петровна Х—ва, о которой говорилъ я въ концѣ второй части сихъ записокъ. Несмотря на свой патриотизмъ и легитимизмъ, въ угожденіе тетки, должна была она принимать Савари и его свиту; впрочемъ, съ живостію ея ума и характера, и ей самой любопытно и пріятно было ихъ видѣть у себя. Тутъ имѣлъ я случай ихъ встрѣчать, и могу сказать нѣсколько словъ объ нихъ. Умѣе всѣхъ былъ конечно ле-Лорнь (le Lorgne), который въ видѣ путешественника бывалъ уже въ Россіи, жила въ Москвѣ и выучился немного по-русски. Онъ былъ малый лѣтъ тридцати, ловкій, смѣлый, даже иногда наглый, и вмѣстѣ съ тѣмъ вкрадчивый; такіе люди вездѣ или вламываются или пролѣзаютъ. Замѣтно однакоже было, что ласковый приемъ, сдѣланный ему до того въ Россіи, сильно на него подѣйствовалъ, и что онъ искренно любилъ ее: а со всѣмъ тѣмъ охотно пожертвовалъ бы ея кумиру Франціи: онъ одинъ, кажется, у Савари занимался письменною частію.

Благороднѣе всѣхъ именованъ и осанкой былъ Монтекии-Фезенсакъ, ведущій родъ свой отъ Луна, герцога Гасконскаго, слѣдственно отъ Карловинговъ. Примѣсью такихъ людей Наполеонъ любилъ скрашивать свои полки и миссіи.

Всѣхъ красивѣе собою былъ молоденькій Талуецъ. Онъ вмѣстѣ съ другимъ, Фодоасомъ, принадлежалъ къ новой республиканско-имперской аристократіи, то есть они оба были сыновья во время революціи чрезмѣрно обогатившихся плебеевъ. Оба сіи *жюкриса*, невѣдніемъ свѣтскаго обращенія, разговорами и манерами смѣшили петербургскія гостинныя.

Одинъ изъ нихъ, Фодоасъ, любезничалъ разъ съ какою-то дамой, игралъ лежащимъ на ея столикѣ аметистовымъ сердцемъ, бралъ его въ ротъ и нечаянно проглотилъ его. На другой день, изверженное и вымытое сердце сіе, при учтливой запискѣ, было возвращено той, которой оно принадлежало.

Къ симъ двумъ примыкалъ еще третій молодой мальчикъ, Антоанъ, сынъ богатаго марсельскаго негоціанта и не менѣе того, по матери родной племянникъ жены Иосифа Бонапарте и Бернадотта, то есть будущихъ королей Гшпанскаго и Шведскаго. Въ это время Иосифъ былъ уже Неаполитанскимъ королемъ. Слухъ прошелъ, будто Марія Каролина, настоящая королева, находившаяся тогда въ Сициліи, не только опасно занемогла, но и скончалась. О томъ неосторожно сказали при Антоанѣ, который, полагая что рѣчь идетъ о его теткѣ, счелъ долгомъ притвориться падающимъ въ обморокъ. Все это чрезвычайно забавляло знатныхъ, которые насмѣшками надъ цвѣтомъ юности, неудачно присланнымъ Наполеономъ, думали мстить ему за его славу.

Какъ странно было видѣть сихъ обращиковъ новопанцузскаго двора, встрѣчающихся у X—вой съ Лагардами, Дамасами и другими молодыми роялистами древнихъ фамилій, офицерами въ русской гвардіи! Послѣдніе даже въ общемъ разговорѣ старались, чтобъ однимъ словомъ не задѣть кого-нибудь изъ этой ротюры: одинъ только дерзкій Растиньякъ подступилъ разъ къ Монтескіу и громко спросилъ его: при комъ онъ камергеромъ, при Бонапарте или при женѣ его? Тотъ скромно отвѣчалъ: „при императрицѣ.“

Попытку X—вой соединить у себя тѣхъ и другихъ Французовъ одобрить нельзя. Сама она часто не могла утерпѣть, чтобы не оказать предпочтенія прежнимъ своимъ знакомымъ и не похвастать иногда славой своею Россію, когда наполеонисты слишкомъ завирались о его безсмертіи. Съ другой стороны роялисты и многіе Русскіе съ смертельною досадою должны были бесѣдовать съ тѣми, коихъ почитали сволочью и коихъ по неволѣ встрѣчали только среди толпы въ большихъ собраніяхъ. Едва прошла осень и наступила зима, какъ тѣ и другіе ее покинули, и одни только искренніе ея друзья остались постоянными и вѣрными ея посѣтителями.

Кажется, Наполеону хотѣлось, оказавъ Россію первую учтливость, показать съ тѣмъ вмѣстѣ и преимущество свое надъ

нею. Для того прислалъ онъ Савари съ одними комплимен-
тами, безъ всякаго уполномочія, и ожидалъ, прежде назначе-
нія къ намъ чрезвычайнаго посла, чтобы кто-нибудь отъ
насъ въ семь званіи къ нему былъ отправленъ. Выборъ палъ
на графа Петра Александровича Толстаго, преждебывшаго
петербургскаго военнаго губернатора, но оставившаго сію
должность чтобы подвизаться на войнѣ. Его любили и ува-
жали; но согласившись ѣхать посломъ въ Парижъ, онъ сдѣ-
лался виновнымъ въ мнѣніи публики. Плохая эпиграмма въ
дурныхъ французскихъ стихахъ, ходившая по городу, была
его выраженіемъ.

.....
Суцая несправедливость! Графъ Толстой былъ человѣкъ
усердный, вѣрный, на котораго совершенно положиться было
можно: Русскій въ душѣ и Русскій по уму, то-есть, какъ
говорится, изъ просту лукавъ. Такіе люди, съ притворною
разсѣянностію, какъ бы ничего не помня, ничего не замѣчая,
за всѣмъ слѣдятъ глазомъ зоркимъ и наблюдательнымъ и ни
на минуту не теряютъ изъ вида пользы и чести своего оте-
чества. Кажется, у насъ въ Россіи изстари велось, чтобы
мужи, предназначающіе себя на великіе подвиги, болѣе или
менѣе на себя накидывали какое-то юродство. Стоитъ толь-
ко вспомнить Суворова, который въ семь родѣ былъ не пер-
вый и въ наше время не одинъ. Тутъ есть что-то похожее
и на Брута, и на Сикста Пятаго.

По прибытіи въ Парижъ, графъ Толстой нашель пригото-
вленное уже для него жилище. Слѣдуя системѣ прельщеній
съ Россіей, Наполеонъ купилъ Огель-Телюсонъ, довольно
большой и красивый домъ, въ лучшей части города, съ пре-
краснымъ садомъ его отъ улицы отдѣляющимъ, и отдалъ его
русскому посольству. Мы не могли остаться въ долгу и хотѣли
заплатить съ лихвою: и для того, только что отдѣлан-
ный, великолѣпный домъ князя Волконскаго, на Дворцовой
набережной, за дорогую цѣну купленъ въ казну для ожидае-
маго Коленкура.

Пріѣздъ его въ январѣ мѣсяцѣ былъ сигналомъ отъѣзда
для Савари съ компаніей. Почти всѣ полагали, что нестерпи-
мая спѣсь Коленкура была слѣдствіемъ данныхъ ему наста-
вленій. Я совсѣмъ другаго мнѣнія: этотъ человѣкъ былъ про-
сто дерзкій холопъ, который, гордясь успѣхами, могуществомъ
своего господина, какъ всѣ низкія души, забывался въ сча-

стии. Можетъ-быть, по примѣру Савари, приготовленный къ холодному приему отъ общества, онъ съ перваго шага хотѣлъ предупредить его своею надменностію. Доказательствомъ что раздраженіе противъ себя Русскихъ не могло входить въ намѣренія Наполеона служить то, что предтеча Коленкура, Савари, и преемникъ его, Лористонъ, всегда оказывали, первый величайшую терпѣливость, послѣдній—умѣренность и скромность въ сношеніяхъ съ дворомъ и вельможами, даже тогда, какъ все клонилось къ совершенному разрыву съ Россіей.

Цѣлыя пять лѣтъ съ сентября 1802 года, министерство, прозванное англійскимъ, управляло государственными дѣлами. . . . . Въ продолженіе послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ 1807 года министерство измѣнилось и возобновилось почти въ цѣломъ составѣ своемъ.

Началось съ министра финансовъ, почтеннаго графа Васильева. Онъ бы не удалился, и его бы не отпустили: онъ былъ еще не слишкомъ старъ, но изнуренный долгодѣтними трудами и опытный въ дѣлахъ, онъ можетъ-быть съ трепетомъ смотрѣлъ на приближающееся несогласіе съ Великобританіей, царицей торговли, и чувствовалъ, что затрудненія, въ которыя оно его поставитъ, будутъ превыше силъ его. Счастіе сопутствовало ему всегда въ жизни и не покинуло его при концѣ ея: ибо что можетъ быть счастливѣе какъ вовремя умереть? Онъ скончался въ концѣ августа, а въ половинѣ сентября объявлена война Англии. Бремя имъ носимое само собою легло на давно уже подставившаго подъ него рамена свои, племянника его, Феодора Александровича Голубцова, и черезъ два года потомъ его раздавило.

За годъ до того, князь Чарторыйскій, уступая силѣ общаго мнѣнія, долженъ былъ портфель иностранныхъ дѣлъ передать нѣкому барону Будбергу: не покидая однакоже государя, онъ тайно оставался главнымъ совѣтникомъ его въ дѣлахъ дипломатическихъ. Этотъ Будбергъ былъ, кажется, лицо совѣтъ безъ фізіономіи. При воспитаніи императора Александра, находился онъ въ числѣ наставниковъ, и объ немъ ничего не говорили. Потомъ еще при Екатеринѣ былъ онъ назначенъ посланникомъ въ Стокгольмъ и тамъ ничего не умѣлъ сдѣлать, даже сосватать великую княжну Александру Павловну за шведскаго короля; его однакоже не отозвали. Безъ особыхъ милостей и безъ гоненій отъ Павла, оставался онъ при немъ на прежнемъ мѣстѣ почти въ забвеніи. Въ 1802

году попытались было сдѣлать его петербургскимъ военнымъ губернаторомъ; мѣсяца два или три мѣсто сіе оставалось какъ будто вакантнымъ, объ немъ и помину не было, и его опять назадъ отправили въ Стокгольмъ. . . . .
Его вызвали оттуда въ 1806 году, чтобы дать ему названіе министра иностранныхъ дѣлъ. Съ симъ званіемъ случился онъ въ Тильзитѣ при переговорахъ, и неумышленно, безвинно подписалъ мирный трактатъ; и за то никто не думалъ на него сердиться и поносить его, а вся досада обратилась на бывшего тутъ, также случайно, русскаго князя. Трудно опредѣлительно сказать что-нибудь насчетъ характера такого человѣка, который сквозь столь важныя мѣста и событія прошелъ невидимкой: судя по догадкамъ можно себѣ вообразить его Нѣмцемъ, довольно образованнымъ для того времени, гдѣ нужно искательнымъ, терпѣливымъ и молчаливымъ, и слѣдственно по наружности глубокомысленнымъ. . . . .

Мѣсто Нѣмца Будберга занялъ Русскій съ громкимъ именемъ, высокою образованностію, благородною душою, незлобивымъ характеромъ и съ умомъ, давно ознакомленнымъ съ дѣлами дипломатическими и ходомъ французской революціи. И единоземцы его громко возроптали на то: я не осуждаю ихъ; сердце у Русскихъ наболѣло отъ двухгодоваго стыда, и все приводило его въ раздраженіе; они безъ ужаса не могли видѣть сына знаменитаго ихъ полководца усерднымъ посредникомъ Россіи съ похитителемъ ея славы. Самое даже согласіе графа Николая Петровича Румянцева на принятіе званія министра иностранныхъ дѣлъ показываетъ въ немъ сильный духъ, готовый, со вступленіемъ въ должность, вступить въ борьбу со всеобщимъ мнѣніемъ, самоотверженіе, съ которымъ онъ въ настоящемъ жертвовалъ собственною честью для будущей пользы своего отечества. Время конечно показало, что онъ обманывался, но кто изъ подвизавшихся тогда, въ концѣ 1807 года, не былъ обманутъ, не исключая даже самихъ Александра и Наполеона? Онъ смотрѣлъ не съ той точки зрѣнія какъ высшая и низшая публика, и обѣими былъ не понятъ. Уже вѣрно Румянцева не могъ быть подкупленъ золотомъ, онъ, который, живши всегда умѣренно, расточалъ его единственно на умноженіе просвѣщенія въ Россіи: и онъ бы сталъ измѣнять ей! Такъ что же? онъ былъ очарованъ величіемъ доголъ врага и вдругъ ревностнаго

союзника Россіи, онъ былъ увлеченъ плѣнительною мыслию о великомъ союзѣ сѣверовостока съ югозападомъ, предъ коими все должно было покориться: такъ ошибаются только люди съ необыкновенною душою.

До того еще, безпрестанныя шутки Александра Львовича Нарышкина насчетъ графа Румянцова много повредили ему въ мѣнѣнн свѣта. Тетка его, Анна Никитишна, была замужемъ за дядею Нарышкиныхъ и полученное отъ мужа имѣніе во вдовствѣ хотѣла отказать своему племяннику: изъ того вышелъ процессъ, который наконецъ Нарышкины же выиграли. Но Александръ Львовичъ никогда не могъ простить своему противнику, и вѣчно преслѣдовалъ его своими острыми насмѣшками, нерѣдко успѣвая сдѣлать его смѣшнымъ въ глазахъ людей... Съ другой стороны зависть, которая оставляетъ въ покоѣ одну только посредственность, которая готова заглядывать въ нужныя мѣста, подслушивать холопскія рѣчи, не гнушается ничего нечистаго, чтобъ осквернить имъ уважаемыхъ людей изощряла противъ него свое жало и приписывала ему какія-то слабости, противныя нравственности. На каламбуры Нарышкина не всегда удачныя, на клевету мірскую, какъ бы не вѣдая о нихъ, отвѣчалъ Румянцовъ одними великими, безпримѣрными въ Россіи дѣлами: снаряжалъ на свой счетъ корабли и для открытій отправлялъ ихъ вокругъ свѣта, съ издержками и трудами отыскивалъ и собиралъ любопытныя, отечественныя древнія рукописи и картіи и посредствомъ великолѣпныхъ изданій дарилъ ими читающую публику, заводилъ для всѣхъ открытыя библиотеки, учреждалъ музеи. Содѣянное имъ блеститъ на Англійской набережной въ Петербургѣ и лучше меня оправдаетъ его предъ потомствомъ.

Въ началѣ второй части сказалъ я, что онъ былъ министромъ коммерціи: сдѣлавшись министромъ иностранныхъ дѣлъ, сохранялъ онъ два года оба министерства, доколѣ первое не было упразднено. Предмѣстникъ его, Будбергъ, до того утратился одного имени министра, что спѣшилъ выпросить себѣ въ товарищи сына покровителя своего, фельд-маршала Николая Ивановича Салтыкова, Александра Николаевича, зятя графа Головкина: объ немъ я также говорилъ въ своемъ мѣстѣ. По родственнымъ связямъ съ Нарышкиными былъ онъ въ числѣ недоброжелателей Румян-

цова, который нашелъ его въ министерствѣ. По великому тогда кредиту сего послѣдняго, стоило ему только изъявить желаніе удалитъ отъ себя сего товарища, чтобъ оно было исполнено. Онъ того не сдѣлалъ, оказывалъ уваженіе и довѣренность Салтыкову и великодушіемъ старался, но не успѣвалъ обезоруживать своихъ непріятелей.

На сіи перемѣны могъ я смотрѣть равнодушно, скоро однакоже должны онѣ были коснуться и мѣста моего служенія. Лордъ Кочубей, который въ продолженіе пяти лѣтъ усиливался при дворѣ, расширялъ свое министерство, распространялъ свою власть, казался первымъ министромъ. Для соблюденія пристойности, чтобъ явно не измѣнить исповѣдуемымъ имъ политическимъ правиламъ, показывалъ онъ видъ недовольный, безмолвное порицаніе, не зная что и безъ того уже онъ сдѣлался не угоденъ царю. . . . .

Передъ отъѣздомъ государя въ армию, оберъ-прокуроръ Петръ Степановичъ Молчановъ, преданный Куракинымъ, отправленъ былъ въ Саратовъ по какому-то пустому дѣлу, но съ тайнымъ порученіемъ обстоятельно развѣдать о поступкахъ губернатора Бѣлякова. Подъ разными ничтожными предлогами проживъ тамъ все лѣто, онъ осенью воротился съ возомъ обвиненій и неоспоримыхъ доказательствъ хищности любимца Кочубеева. Бѣляковъ былъ призванъ въ Петербургъ и преданъ суду. Ударъ сей нанесенъ былъ самому министру, который горячо въ сіе дѣло вступился. Утверждаютъ, будто въ жару разговора съ государемъ, разгнѣванный Александръ далъ ему почувствовать что почитаетъ его прикосновеннымъ къ злоупотребленіямъ въ Саратовской губерніи; будто обиженный тѣмъ Кочубей сказалъ, „что послѣ того оставаться ему невозможно“ и получилъ въ отвѣтъ „что никто его не удерживаетъ“.

Преемникъ его былъ уже на пути изъ Полтавы въ Петербургъ. Нѣкогда Безбородко, дядя Кочубея, при Павлѣ, посредствомъ Лопухиныхъ, умѣлъ ниспровернуть такъ-называемую партію императрицы, Куракиныхъ, Лобановыхъ. Съ тѣхъ поръ между первымъ изъ сихъ семействъ и его племянникомъ продолжало существовать какое-то непріязненное соперничество. Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, бывший два года при Павлѣ генераль-прокуроромъ, можно сказать генераль-министромъ, долженъ былъ при Александрѣ довольство-